

Мас. 1298

С. 54
издана

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Художественно - Общедоступный театр.
Дядя Ваня, деревенскія сцены въ 4 дѣйствіяхъ, Антона Чехова. — Театръ Корна.
Балладъ, ком. въ 3 дѣйств., переводъ съ французскаго В. Саблана. Бенефисъ г. Самкина.

Г. Чеховъ, пьеса котораго подъ названіемъ *Дядя Ваня* первый разъ шла на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра во вторникъ на минувшей недѣлѣ, пользуется въ настоящее время особымъ расположеніемъ нашей публики. Его рассказы сравнительно въ весьма короткій промежутокъ времени выдерживаютъ целый рядъ изданій, а пьесы, собранныя въ одной томъ, нельзя уже достать ни въ одной книжной лавкѣ. Изъ числа этихъ пьесъ *Медведь* и *Приглашеніе* не сходятъ съ репертуара Московскихъ сценъ, а успѣхъ *Чайки* былъ таковъ, что на это представленіе трудно было достать билеты уже въ вечеру того дня, въ который сообщалось что она назначена въ исполненію, положимъ, хотя бы черезъ недѣлю. Я самъ еще не видѣлъ *Чайки*, потому что отсутствовалъ изъ Москвы, и еще возвращусь въ этой пьесѣ, какъ скоро это окажется возможнымъ при сложности нашего репертуара. Но и теперь уже начинаю, увидавъ на сценѣ *Дядю Ваню*, ощущать, если можно такъ выразиться, причины вызванія успѣхъ *Чайки*. Мнѣ почему-то ка-

жется, что оба эти пьесы слѣдуютъ по одинаковымъ орбитамъ и представляютъ собою какъ бы отдаленное созвучіе.

Нѣтъ ничего труднѣе какъ передавать словами ощущенія. Съ одной стороны, эти ощущенія представляютъ какъ бы акорды и аккорды, съ другой стороны — какъ бы свѣтовые волны. Что можетъ быть, повидимому, объективнѣе пейзажа? А между тѣмъ стоитъ такому пейзажу пройти черезъ душу художника, и въ нему непременно прильнетъ частица этой души. Все останется на полотнѣ совершенно объективнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности: и прудъ, и камышъ, и ветла опустившая свои вѣтви почти до самой воды... Только ко всему этому присоединится „настроеніе“. Въ немъ то и заключается та частица души, то невидимое, быти-мое, даже несуществующее въ данномъ собраніи объективныхъ явленій, что уже отъ себя вноситъ художникъ.

И вотъ, рискуя высказать передъ вами мысль, которая можетъ показаться вамъ странною, я долженъ во всей простотѣ сознаться что *Дядя Ваня* производитъ на меня впечатлѣніе совершенно аналогическое впечатлѣнію пейзажа. Авторъ рисуетъ прямо съ натуры. Онъ объективенъ, насколько лишь можно желать. Въ его пьесѣ не „проводятся“ никакія мысли и никакія тенденціи, которыя должны гнать заставить васъ въ голову и составить конечный выводъ. Въ *Дядю Ваню* нѣтъ ни героевъ, ни героинь. Дѣйствуютъ все самые обыкновенные люди, а дѣйствія ихъ опять-таки самыя обыкновенныя. Вы чувствуете что ни одно изъ этихъ

лицъ не подкрашено, что авторъ не заставлялъ ихъ казаться ни лучше, ни хуже, нежели они есть на самомъ дѣлѣ, нежели какими они видѣли ихъ въ дѣйствительности.

И тѣмъ не менѣе пьеса даетъ настроеніе. Это совсѣмъ не значитъ, чтобы вамъ по поводу ея не приходило никакихъ мыслей. Вы можете не соглашаться съ однимъ, жалѣть другаго, сочувствовать третьему, враждебно относиться къ четвертому. Такъ оно всегда и бываетъ въ дѣйствительной жизни; только все это, видѣтъ взятое, не объединяется въ живой дѣйствительности настроеніемъ, какъ конечнымъ выводомъ въ преобладающимъ впечатлѣніемъ. Совершенно также какъ повинуется для насъ такое настроеніе лишь въ пейзажѣ художника, между тѣмъ какъ вы до того времени совершенно равнодушно и ничего не замѣчая проходили мимо той картины природы, какую художникъ перенесъ теперь на полотно.

Такого рода „настроенія“ составляютъ характерную особенность произведеній г. Чехова. Еслибы меня спросили, какъ я графически изобразилъ бы отличительное свойство таланта г. Чехова, то я отвѣтилъ бы, что талантъ этотъ представляется мнѣ въ формѣ волнистой линіи. Г. Чеховъ — объективистъ на подкладкѣ лирика.

Вы помните, безъ сомнѣнія, картины *Бабушкинъ Садъ*, г. Полѣнова, и *Все изъ прошлаго*, г. Максимова. Оба они находятся въ Третьяковской галерей, и вы каждый день можете обновить вашъ воспоминанія. Присоедините сюда еще эронтонъ деревенскаго дома Лариныхъ, гдѣ жила Татьяна, эронтонъ необыкновенно харак-

терно, переданный академиком Соловьевым в его удивительном альбоме в *Еленю Отину*, и вы получите точное представление о истинных действиях шесты *Дяди Вани*. Это поистинный дом, сильно запущенный и выходящий из не менее запущенный сад. В дом очень много комнат и очень мало прислуги. Дом не чинить. Если балсаника на лестнице сломается, или вывалится, то она так и остается сломанною или несобранною. Жители все сокращают площадь своего жилья и ограничивают ее двумя-тремя необходимыми комнатами.

В дом этот живет семья Войничих: мать и сын. Мать — старуха, вдова тайного советника. Сын — холостяк 47 лет. Его зовут Иван Петрович. Он-то и есть дядя Ваня, а зовут его так племянница, молодая девушка, Соня, очень красивая собой. Ее мать, сестра дяди Вани, теперь умершая, была замужем за профессором Серебряковым. Поместье было куплено для нее и должно перейти к Соне.

Между тем Серебряков женился вторично на дочери сенатора. Ее зовут Еленой. Ей 27 лет, и она очень хороша собой. Но махиха и падчерица плохо ладят, вследствие чего Соня постоянно живет с бабушкой и дядей Ваней.

Что же делают они, безвыгодно живя в деревне? Они работают на профессора.

Без шутки. Этот Серебряков предмет культа для всей семьи. Его первая жена, сестра дяди Вани, безумно любила своего мужа. Он был привилегированный и недостижимый авторитетом. При этих условиях он

не мог снисходить до управления жизнью своей жены, точно так же как не мог быть человеком практически. Он слишком высоко парил для этого в области чистого искусства, какое избрал предметом своих специальных занятий.

Из любви к сестре дяди Вани взял на себя все хлопоты, всю черную работу. Днем он наблюдал за полевыми работами, возился с мушкетерами, проверял счета, следила за выработкой и продажей различных хозяйственных продуктов, а вечером, вместе с матерью и Соней, переписывала, делала выписки, все для профессора, читала его статьи и различные относящиеся к ним журналы и книги. Весь доход отдавался Серебрякову. Все удобства были только для него. Сами Войничие существовали на 500 рублей, которые профессор платил ежегодно дяде Ване за его труды.

Так прошло 25 лет. Профессор вышел в отставку, состарился, получил подагру и ревматизм, не имел средств жить в городе и приехал вместе со второй женой в поместье первой. Старуха Войничиха в настоящее время благоговейно перед ним, как перед существом высшего порядка. Но дядя Ваня прямо возмущался профессором. Он рассказывает своему приятелю, доктору Астрову, что за человек Серебряков. Двадцать пять лет читал он об искусстве, которого совершенно не понимает; не составлял себе ни малейшей ученой известности и потому злится, хандрить, завидует и вечно жалуется на свои несчастия. Он — „ученая воля“ и стар, а между тем вместе между

женщинами устатых, никого не знает, сам Дюма-Жуль. Вот что бы, например, его вторая жена: красавица, молодая, умная, была должна и выходящая, а все-таки остается ему вью.

— Да, так вот откуда идет то тавель! говорить себе зритель. — Тут женщина замкнута. Посмотрите что будет далее.

А далее доктор Астров, который никак не может в течение большого ряда лет ее пообладать, не отославшись как слуга, потому что его раздражают на части, вследствие чего он повсюду научился, для своего подкрепления, пить водку, доктор этот, прекрасный симпатичный человек, отлично рассказывает про свою любовь к гласу и про неотложную необходимость заняться гласонасаждением, а существующие гласа оберегать. Это выходит у него очень хорошо, просто, искренно, убедительно. Я с первого же акта полюбил этого доктора и нахожу совершенно естественным, что Елена упрекает себя в том, что уже несколько раз видела доктора, а все еще, от застенчивости, не поговорила с ним как слуга и не обладала его. Дядя Ваня говорит Елене, что видеть как ей скучно жить. Елена отвечает ему словами Астрова. Она понимает истинный характер к ней:

— Все вы безразсудно губите гласа и скоро на земле ничего не останется. Точно также вы безразсудно губите человека и скоро, благодаря вам, на земле не останется ни чистоты, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщины,

если она не ваша? Потому что—правда, этот доктор—во всякъ вась сидитъ бѣсъ разрушенія. Вамъ не жалъ на лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга...

А дядя Ваня:

— Позвольте мнѣ любить вась! Позвольте говорить про мою любовь. Все это такъ именно и бываетъ. Вадъ, кажется, ясно сказано человеку. Такъ нѣтъ. Будетъ все приставать, и увикаться будетъ, и окончательно опротивѣть.

Второй актъ даетъ удивительное настроеніе. Ночь. Столовая. Профессоръ, который не можетъ спать отъ боли въ ногъ, наконецъ задремалъ въ своемъ креслѣ, облокотившись на столъ, задремала на диванѣ и его жена. Окно открыто. На дворѣ темно и надвигается гроза. Занавѣска раздвигается и хлопаетъ, Плясъ сползъ съ больной ноги, боль возобновилась, и профессоръ проснулся. Онъ брѣзжитъ какъ старая баба. Да, да, ему хорошо извѣстно что онъ вѣтъ противень, и женѣ своей—первой. Онъ сознаетъ что онъ старъ, а она и молода, и хороша. Всѣ отъ него изнемогають. Одиночѣ только онъ наслаждается. Ему не тѣють даже поговорить. Самый тихій изъ него, и тотъ противень. Неужели же онъ не заслужилъ права на вниманіе къ себѣ? Ему здѣсь скучно, убого, онъ тоскуетъ о прошедшемъ, видитъ успѣхи другихъ и т. д.

Жена совсѣмъ измучена. Къ счастью, является старая нянька, у которой ноги тоже „такъ и гудятъ“, успокоиваетъ профессора и уводитъ его чтобы уложить въ постель. Но едва ушелъ Серебряковъ, какъ сверху спускается по лѣстницѣ дядя Ваня и начинается жаловаться Еленѣ въ слезу

очередь. Онъ не спитъ третью ночь. Его душитъ мысль, что жизнь его потеряна безвозвратно... Онъ хватается Елену за руки, загоразиваетъ ей дорогу... Елена замѣчаетъ, что онъ пьянъ...

— Оставьте меня! Это наконецъ противно! восклицаетъ она и уходитъ.

Но въ эту ночь все пьяно въ этомъ домѣ, и всѣ пьяны съ горя. Съ перза спускается докторъ Астровъ безъ сюртука и галстука. Велѣдъ за нимъ ползетъ Телѣгинъ, прожившійся помѣщикъ, крестный отецъ Соны, живущій теперь въ ея домѣ. Онъ отлично играетъ на гитарѣ. Астрову хочется поплѣсать. Телѣгинъ, чтобы никого не разбудить, тренькаетъ еле слышно, между тѣмъ какъ докторъ, по той же причинѣ, дѣлаетъ только вскизъ ритмическихъ танцевальныхъ движеній. Занятіе это, доставляющее несказанное наслажденіе Телѣгину, который сидитъ съ совершенно блаженнымъ выраженіемъ лица и по временамъ только прискакаетъ со смѣха, прерывается приходомъ Соны. Докторъ немедленно убѣгаетъ, Телѣгинъ исчезаетъ вслѣдъ за нимъ, а наконецъ уходитъ и дядя Ваня. Но Соня уже замѣтила что онъ пьянъ. Послѣ его ухода она зоветъ доктора. Тотъ является въ сюртукѣ и галстукѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Сами вы пейте, если вамъ это не противно, говоритъ Соня, но, умоляю, не давай те пить дядѣ. Ему это вредно.

— Хорошо, говоритъ Астровъ.— Больше пить не будемъ. И сейчасъ уйду.

— Хотите закусить? спрашиваетъ

Соня.—Я люблю по ночамъ закусы-
вать.

— Пожалуй дайте, отвѣчаетъ док-
торъ.—Я сегодня ничего не ѣлъ, толь-
ко пию.

Въ буфетѣ отыскивается кусокъ
сыра. И вотъ они оба стоятъ у бу-
фета, закусываютъ и разговариваютъ.
И вѣдь вотъ, подите! во всей этой
сценѣ, во всемъ этомъ актѣ нѣтъ и
слѣда какой-нибудь логики, какой-
нибудь конструктивной работы со
стороны драматурга. Все это случай-
но, отрывочно, могло быть иначе,
могло совсѣмъ не быть. А смотрится
и слышится все это съ величайшимъ
наслажденіемъ, и намъ кажется, что
иначе не могло и случиться, что все
это именно то, что должно было
быть, и быть именно такъ. Это сама
жизнь, настоящая, действительная,
ненадуманная и неприкрашенная. Это
рядъ житейскихъ фактовъ, лѣзъ кото-
рыхъ намъ самимъ предоставляется
сдѣлать выводъ, если только вы не
хотите согласиться съ тѣмъ, что
говоритъ докторъ, болтая съ Соней,
между тѣмъ какъ они оба пре-
серіозно ѣдятъ сыръ.

Я, говоритъ онъ, мѣсяца не вы-
жилъ бы въ вашемъ домѣ. Тутъ за-
дохнешься. Впрочемъ, я становлюсь
такимъ же брюзгой и такимъ же не-
удовлетвореннымъ, какъ вашъ дядя
Ваня. Жизнь вообще я люблю, но
нашу узкую обывательскую жизнь
презираю всѣми силами моей души.
Путеводной звѣзды нѣтъ. И никого
я не люблю, кромѣ вашей старой
няньки. И не люблю никого. Кра-
сота меня къ себѣ влечетъ. Вотъ,
например, ваша маляха. Да развѣ
это любовь!

А между тѣмъ блѣдная Соня давно

сама уже любить доктора, который
представляется ей идеаломъ человека
и дѣтеля. Подъ вліяніемъ нахлынув-
шей на нее волны чувства она впе-
чатлѣно кидается на шею Елены, во-
шедшей въ комнату. И вотъ оба они
цѣлуются, обнимаются, плачутъ отъ
радости, торопятся наговориться,
прижимаются одна къ другой. Уже
очень имъ обидно тяжело, и груст-
но, и трудно живется. Елена давно
замѣтила что докторъ правится Со-
ней. Теперь она объясняетъ ей, что
именно нравскіе качества въ этомъ чело-
вѣкѣ: это его талантъ. О себѣ Еле-
на не думаетъ. Она эпизодическое
лицо. Она только полагала что дей-
ствительно любить профессора, когда
выходила за него замужъ. Любовь
эта была не настоящая.

А пока все это совершается—уже
давно разсѣло и съ каждымъ мгнове-
ніемъ становится все свѣтлѣе и свѣт-
лѣе. Еленѣ хочется отдохнуть за игрой
на фортепiano, позабыться, играть
и плакать. Но нужно спросить позо-
воленія у профессора, котораго му-
зыка раздражаетъ, когда онъ боленъ.
Соня бѣжитъ къ отцу за этимъ
позволеніемъ и черезъ минуту воз-
вращается обратно, сконуженная,
унылая, притихшая. Профессоръ ска-
залъ.

— Нельзя!

Положеніе слишкомъ натянуто для
того чтобы не послѣдовало взрыва.
И онъ действительно происходитъ
въ третьемъ актѣ. Грубо, бѣшено,
безпощадно, некрасиво, какъ это
всегда бываетъ въ действительной
жизни. Елена беретъ вывѣдать отъ
доктора его чувства къ Сонѣ. Но
разговоръ ихъ принимаетъ совер-
шенно неожиданный оборотъ, такъ

какъ она оба неравнодушны другъ
къ другу. Докторъ внезапно притя-
гиваетъ молодую женщину къ себѣ и
осыпаетъ ее поцѣлуями.

Она слабо защищается. Въ такомъ
положеніи застаютъ ихъ дядя Ваня,
страсть котораго къ Еленѣ все болѣе
разгорается. Теперь мѣра его стра-
даній переполнена, и онъ болѣе не
знаетъ удержа. Онъ срываетъ свое
бѣшенство на профессора, собравшемъ
семейный советъ для того чтобы
изложить свои дальнѣйшія намеренія.
Профессоръ желаетъ продать иманіе,
вырученныя за него деньги обратить
въ процентныя бумаги и жить на
доходъ, какой онъ будутъ приносить.

— А гдѣ же буду я жить съ ма-
терью? спрашиваетъ дядя Ваня.

— Мы это обсудимъ особо, гово-
ритъ профессоръ.

Но дядю Ваню уже нельзя остано-
вить. Кончается тѣмъ, что онъ стрѣ-
ляетъ въ профессора, но не попадаетъ
въ него. Шумъ, крики женщины,
слезы. Елена и профессоръ объявля-
ютъ что немедленно же покинуть
этотъ домъ.

Нарывъ созрѣлъ и прорвался.
Видѣть съ этимъ минуло и горячеч-
ное состояніе. Рану начинаютъ затя-
гивать. Всѣ уязвлены: профессоръ
со своею женой, и докторъ. Наступи-
ла осень, сырая и неприглядная.
Видѣть съ тѣмъ вступила въ свою
обычную колею и сырая, будничная
жизнь Сони и дяди Вани. У Сони
исчезла надежда на счастье. У дяди
Вани легла еще лишняя тѣнь на душу.
Они сидятъ опять за письменнымъ сто-
ломъ, прощѣряютъ и приводятъ въ
порядокъ счета, запущенные за по-
слѣднее время. Старая нянька вяжетъ
чулокъ. Телѣгинъ „тренькаетъ“ на

свой гитары. На дворъ стучитъ сторожъ.

— Погоди, дядя Ваня,—говоритъ Соня и отираетъ своимъ платкомъ слезы на его глазахъ,—погоди, мы отдохнемъ.

Это „мы отдохнемъ“ Соня относитъ не къ настоящей нѣ жизни, гдѣ имъ суждено только работать для другихъ и не видать радостей для себя, а къ той лучшей жизни, которая наступитъ, когда она предстанетъ передъ престоломъ Всевышняго.

— Тамъ, за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалятся надъ нами, и мы съ тобой, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную... И отдохнемъ.

Она нѣсколько разъ повторять, вполголоса, сквозь слезы, какъ бы про себя: „мы отдохнемъ“. На этомъ слогѣ кончается пѣса г. Чехова.

Подается ли она анализу? Нѣтъ. Анализовать можно лишь такіе произведения, которыя составляютъ плодъ личнаго художественнаго творчества, произведенія, гдѣ авторъ выражаетъ свои мысли, свои взгляды, свои чувства. Въ такихъ произведеніяхъ, какъ *Дядя Ваня*, задача критики заключается единственно въ томъ, чтобы дать читателямъ, не видавшимъ этой пѣсы, хотя бы сколько нибудь приблизительное понятіе о настроеніи, какое отъ нея получается въ театрѣ. Ибо, повторяю, *Дядя Ваня* не есть композиція на какую либо житейскую тему. Это—сама жизнь, непосредственно зачерпнутая и предлагаемая намъ безъ комментариевъ, безъ предисловій, безъ выводовъ. Это—пейзажъ жизни.

Въ пѣсахъ такого рода болѣе чѣмъ гдѣ-либо выступаетъ на первый планъ пониманіе и сценическое олицетвореніе отдельныхъ ролей. Первое мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи гжи Киниперъ (Елена) и Далима (Соня), гг. Станиславскій (докторъ Астровъ) и Артемъ (Телѣгинъ).

Всего труднѣе быть можетъ роль Соны, этой прекрасной дѣвушки, которая лишь мало-по-малу завоевываетъ и приковываетъ къ себѣ симпатіи зрителя своими внутренними качествами. Эта въ высшей степени трудная задача отлично удается г-жѣ Далимой. Почти одинаковую трудность представляетъ маленькая роль старика Телѣгина, именно въ силу своей незначительности. Тѣмъ не менѣе Телѣгинъ проходитъ черезъ всю пѣсу и требуетъ поэтому особенно внимательнаго отношенія къ себѣ со стороны исполнителя. Г. Артемъ дѣлаетъ изъ своего Телѣгина совершенно художественную статуэтку, которую такъ и хочется поставить въ видѣ кабинетной вещицы на свой письменный столъ.

Превосходно ведутъ свои благодарныя, но очень большія и ответственныя роли гжа Киниперъ и г. Станиславскій. Видѣть ихъ въ этихъ роляхъ есть прямое удовольствіе. Роль дяди Вани играетъ г. Вишневскій. Говоря откровенно, я представляю себѣ этого дядю Ваню по наружному виду болѣе аристократичнымъ, тонкимъ и одухотвореннымъ. Очень можетъ быть что это только мое личное впечатлѣніе. Очень хороши новыя декораціи г. Симова, равно какъ принадлежащая ему же чрезвычайно оригинальная афиша съ портретомъ автора пѣсы.

На театрѣ Корша поставлена для бенефиса г. Сапима трехъактная комедія Блюментала и Кадельбурга *Im weissen Rössel* въ русскомъ переводѣ г. Саблина. Оригинальное заглавіе обозначаетъ что мѣстомъ дѣйствія служитъ гостиница подъ вывѣской *Бѣлая коня*. Пѣса эта, недавно написанная, успѣла уже обойти всю Германію и всюду пользуется тамъ большимъ успѣхомъ. Въ сущности это жанровая картинка дѣтней жизни въ живописномъ и многопестряемомъ уголкѣ Австріи (*Зальцбургъ*).

Естественно что такая картинка должна быть особенно понятна для нѣмецкой публики, близко знакомой съ условіями описываемаго быта. Точно также особенно компично дѣйствуетъ на нѣмецкомъ языкѣ фигура берлинскаго фабриканта, который въ своемъ берлинскомъ самомиріи считаетъ себя умнѣе и тоньше всѣхъ другихъ, а между тѣмъ постоянно попадаетъ въ просакъ. Главное достоинство пѣсы заключается въ томъ, что она необыкновенно „чистенькая“, такъ что смотрѣть ее можетъ каждый гимназистъ третьяго класса наравнѣ со всѣмъ своимъ семействомъ.

Г. Коршъ показалъ намъ на этотъ разъ одну подробность постановки, какою, сколько я знаю, впервые является въ Москвѣ. На сценѣ идетъ дѣйствительный дождь, отъ котораго вода льется съ зонтиковъ и изъ желобовъ. Это очень забавно и весьма заинтересовало публику.

С. ВАСИЛЬЕВЪ.

(С. В. Флеровъ)